АНКЕТА «ЛГ»

К 150-летию со дня рождения Л. Н. ТОЛСТОГО

Слово советских и зарубежных писателей

НАСЛЕДИЕ,

Мулк Радж АНАНД (Индия)

СИМФОНИЯ РОССИИ

Всего одно или два поколения отделяют нас от Толстого, и, однако, он уже кажется гигантом, фигурой столь же великой, как Шекспир и Гёте, Гюго и Гейне. Это объясняется, быть может, тем, что период его жизни совпал с жизненно важными переменами в истории его страны.

Но я думаю, что он возвышается над многими своими современниками потому, что он воплотил жизнь своей эпохи в великолепных книгах, а в особенности потому, что он автор «Войны и мира».

«Война и мир» относится к совсем иной категории, нежели многие эпические произведения прошлого, сколь бы велики они ни были, ибо она отлита в специфическую новую форму романа, форму, которой присущи ее собственные законы, представляющую собой значительный шаг вперед по сравнению с повествовательными произведениями прошлых времен. Эта книга несравнимо, на голову выше всех выдающихся художественных произведений XIX столетия, ибо здесь мы имеем максимальное приближение к тому, что может быть названо подлинным романом: широчайшее по замыслу образное воплощение событий во времени, такое их воспроизведение, которое ставит своей целью дать картину жизни в ее движении и отразить реальную действительность целого исторического периода.

Разумеется, существуют и другие романы, столь же большие по объему, как «Война и мир», ибо XVIII и XIX столетия, в течение которых развивалась романная форма, были эпохой многотомных романов, таких, например, как серия «Уэверли» Скотта, «Человеческая комедия» Бальзака и романы Диккенса. Однако ни один из этих романов не оставляет впечатления такой масштабности, как «Война и мир».

Что это за книга — «Война и мир»! Бескрайняя, как Россия; на ее страницах бушуют штормы и ветры, приносимые со степей, гор, из пустынь и долин; в ней текут реки, и вы прямо-таки ощущаете между строк силу и мощь, рождаемые из скрытых источников в душах ее героев; и все движется и течет, как в оркестре, — резкие и замедленные обертоны, сменяющиеся внезапно напряженными моментами, которые, как вспышка молнии, освещают все вокруг, или, по крайней мере, освобождают нас от необходимости пытаться отыскать в темноте «что-то еще», а затем мы вновь отправляемся в странствие от одного дня к другому, от десятилетия к десятилетию.

В сущности, «Война и мир» — монументальная, сложная и энциклопедическая история русского общества начала XIX столетия.

Вместе с тем я склонен думать, что весьма значительная ценность романа состоит в том, что он выражает новое отношение к войне. Это, безусловно, первый великий человеческий документ о войне. В гомеровском эпосе или в древних эпических индийских поэмах войны ведутся богами или людьми-полубогами, и в основном они показывают — через смерть героя-триумфатора — волю и стремление древних обществ к сплочению, столь необходимому как для действий внутри страны, так и за ее пределами.

Толстой ставит важный нравственный вопрос, от которого до тех пор люди в Европе всячески уклонялись. Он как бы спрашивает: «Не означает ли это кровопролитие, это принесение в жертву громадного числа человеческих жизней преступление против человечества?»

Таковы некоторые вопросы, которые ставит перед нами «Война и мир». И хотя в этой эпопее содержится больше вопросов, чем ответов, она делает то, что подвластно лишь подлинно великому роману: она погружает нас, склонных закрывать глаза и уши, в бездну, таящуюся под поверхностными и эфемерными обобщениями повседневной жизни, обостряя наше восприятие мировых событий и освобождая нас для понимания незримого мира, для сочувственного постижения всего внутри и вне нас.

Если «Война и мир» и не вечная драма, как некоторые полагают (ибо нет ничего вечного), то, бесспорно, это грандиозный документальный эпос, в котором герои истории, мужчины и женщины России начала XIX столетия, живут, движутся и существуют. Я уже сравнил этот роман с оркестром, быть может, мне дозволено будет назвать его симфонией Москвы 1812 года?

Йожеф БАЛАЖ (Венгрия)

СМЫСЛ ТВОРЧЕСТВА

Мне представляется весьма сложной задачей не только избежать высокопарных слов, но и сохранить спокойствие, охватывая мысленным взглядом романы Толстого — ведь этот великий русский писатель стал фактором, формировавшим историю не только своего народа, но и (вряд ли это нужно доказывать) мировую историю. Его эмоциональное и духовное воздействие чувствуется и в нашей повседневной жизни. В его образах и героях нашли свое воплощение и русская природа, и русский образ мыслей... Это все — общеизвестные истины, хотя ныне они (а в будущем тем более!) актуальнее, чем когда бы то ни было. В нашем творчестве необходимы прежде всего толстовская взыскательность, его требовательность к широте и многогранности мышления и морали, к утверждению человеческого достоинства...

Я никогда не искал ни в одном персонаже Л. Толстого самого писателя: его пейзажи, созданная им атмосфера, волшебная теплота и задушевность, отличающие изображаемые им связи между людьми, его герои, стремящиеся подняться над историей, пытающиеся побороть любовь или смерть, — все это и характеризует его. Именно его творчество и его жизнь учат нас тому, что жизнь нельзя прожить дешево и легкомысленно — мы должны искать смысл жизни, существования, хотя бы как его герои.

Юрий БОНДАРЕВ

ПЕРЕКРЕСТКИ ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ

1. Вся русская литература, на мой взгляд, делится на дотолстовскую и послетолстовскую. Считать так — совсем не значит определять степень преимущества, утверждать, какой период лучше, какой хуже, подобно тому как бессмысленно отстаивать преимущества зрелости перед молодостью.

Толстой внес в искусство новые качественные параметры, сообщил слову такое воздействующее и осмысливающее значение, которое уже подняло художника на ступень выше, соединив его с философом, пророком, апостолом добра.

Он как бы огрубил изящную словесность реальностью, веря в могучее влияние, магическую силу слова, ибо ни одной строки не написал, «смеясь», «играючи», вроде бы между прочим, теша и украшая прихоть собственного духа, пытаясь развлечь других своим воображением, затейливым сюжетцем, легковесным парадоксом. Толстой видел в слове единственно действенный рычаг для изменения мира и души человека посредством заражения чувствами, рождающими благо увеличением любви, добра.

Великие идеи, великие книги титанов становятся великими метафорами — Робинзон Крузо, Гулливер, Дон Кихот, Анна Каренина, Хаджи-Мурат...

Мало того — гений за одну жизнь проживает десятки жизней, пр одя через все конфликты и все страдания, отпущенные судьбой человечеству, призывая к раскаянию, милосердию, поиску справедливости.

После прозы Толстого особенно ясно, что он разрушал «старую добрую романную форму» не стилистическим анархизмом, подобно Фолкнеру, а неуклонным вмешательством в ткань повествования, одержимостью своего «я», мощной силой ясновидящего изображения, какой-то мужской интонацией, порой лишенной всякого лиризма, но исполненной мудрой логики художественной мысли.

Толстой был поборником всего, что связано с нравственной целью, отрицая формальную вежливость «хорошего тона», ленивую праздность души, ложную благопристойность в жизни и творчестве. С мессианской ответственностью перед человечеством и самим собой он считал, что литература влияет на сознание людей, а значит — на общественную жизнь, возбуждая и усовершенствуя добро, то есть братски объединяет род человеческий.

Трагизм и оптимизм художника помогают ему исследовать планетарные и горькие противоречия отдельного человека, которому в машинный век совсем уж не угрожает ангельская сентиментальность, а, наоборот, грозит опасность черствости и бездуховности. Поэтому путь познания во второй половине XX века лежит через проблемы сложные, скорбные, через длинную цепь сомнений.

Говорят, что литературная традиция — это стародавние художественные законы, возведенные в незыблемый принцип. Коль скоро такое определение претендует быть правильным, то давно настала пора освободиться, так сказать, от глупости и тирании прошлого.

Соблюдение нерушимого катехизиса чужого стиля, уже найденной в прошлом художественной системы — это безветрие в культуре, запах застойной духоты.

Нет, творчество исключает подобострастное копирование признанных образцов, потому что оно, творчество, есть движение, которое имеет начало, точку отсчета, а эта точка отсчета таланта — вся культура нации, вся мировая культура, история, жизнь, биография художника. Стоит согласиться и с тем, что нельзя учителю научить ученика философии, как таблице умножения, хотя можно в лучшем случае внушить любовь к философствованию, так же, в счастливом варианте, можно научить писать, но нельзя научить творить.

Повторение прошлых художественных открытий или неспособность искать новое замораживает писателя в раз и навсегда найденной форме, и приходит рабство мысли, и наступает омертвение живых клеток.

Традиция — это как бы состояние звездной туманности, из которой творящим разумом художника рождается земля. Все наиболее талантливое, созданное сейчас, станет потом традицией, которая, однако, имеет гордое преимущество перед развлекательной беллетристикой — оставаться спокойной к искушению модой. Традиция переходит в современность, современность — в традицию, мода исчезает бесследно.

Мы ощущаем в нашем искусстве толстовскую традицию правды и с благодарностью к его гению отдаем себе отчет в том, что он один из тех, кто вывел русскую литературу на широчайшие перекрестки глобальных проблем.

2. Толстой и Достоевский с беспощадной глубиной сказали, что думает о себе человек и что он есть в реальности.

Витаутас БУБНИС

ЖИВЫЕ ТРАДИЦИИ

1. По моему глубокому убеждению, нет ни одного выдающегося явления в многонациональной советской литературе, которое возникло бы в отрыве от уроков творчества Л. Н. Толстого. Вряд ли найдется писатель, не испытавший влияния его трудов, да и самой личности, не почувствовавший себя втянутым в могучее поле толстовского притяжения.

Размышляя о развитии современной литовской литературы, вспоминаю недавнее прошлое. Сочинения Л. Н. Толстого начали переводить в Литве уже в конце XIX века, в годы усиления национально-освободительного движения. Литовские писатели, особенно сторонники демократического направления, неоднократно указывали на свою связь с творчеством великого мастера. В 20-е и 30-е годы реализм Л. Н. Толстого помог целому ряду художников избежать декадентских блужданий, являясь как бы призывом для молодых писателей идти с народом, отображать на страницах своих книг повседневную действительность.

Безусловно, наследие Л. Н. Толстого оказывает влияние и на развитие литовской советской литературы. В годы войны А. Венцлова в письме к П. Цвирке писал: «Наибольшее впечатление на меня произвели заново прочитанные «Война и мир», «Воскресение», «Хаджи-Мурат»...» Широта охвата изображаемой действительности, масштабность художнического пространства и времени, ориентация на большой коллектив людей, нацию — все эти приметы творческой манеры выдающихся литовских советских писателей А. Гудайтиса-Гузявичюса и Е. Симонайтите в определенной мере также обусловлены воздействием толстовского художественного метода.

В Толстом читателя восхищают эпический размах и тонкий психоанализ, усиленное внимание к вопросам морального выбора и личной ответственности, особенный внутренний монолог.

Не охватить разом все значение этого, по выражению Э. Межелайтиса, исполина Человечества для многонациональной советской культуры! Когда вновь и вновь перечитываешь «Тихий Дон» М. Шолохова, «Абая» М. Ауэзова, романы К. Симонова, Ю. Бондарева, Г. Маркова, С. Залыгина, повести В. Распутина и В. Быкова, то непосредственно ощущаешь те философско-эстетические, идейно-этические нити, которые глубоко уходят в колоссальное наследие Л. Н. Толстого, воочию видишь сегодняшнее продолжение традиций великого реализма его прозы.

2. Первой книгой Л. Н. Толстого, прочитанной мною еще в школьные годы, была трилогия «Детство», «Отрочество», «Юность». Она потрясла меня подлинностью трепетного душевного состояния растущей, зреющей личности. Далее последовало знакомство с романами, внезапно открывшими необычайно богатый, новый мир, созданный Гением и Жизнью, ибо у Л. Н. Толстого эти понятия сливаются в единое и неделимое художественное целое.

Бесконечно восхищает толстовская «кажущаяся» простота... Форма произведения, художественная деталь никогда не были для него самоцелью. Все продиктовано действительностью, правдой, той неизменной «хронологией существования», которая иному писателю сегодня может показаться скучной, а у него лучится живым теплом, искрится мудростью.

Когда напряженно работаешь над романом, то и дело берешь в руки том сочинений Л. Толстого. И всякий раз по-новому перечитываешь написанные рукой гения страницы, ощущая, как это необходимо. Приобщение к созданным им книгам для меня подобно глотку из источника, каждая капля которого придает новые жизненные силы.

Вильнюс

Василь БЫКОВ

НЕИССЯКАЕМАЯ ЩЕДРОСТЬ УМА

Лев Николаевич Толстой впервые вошел в мою жизнь много лет назад, когда, заболев однажды, я был на месяц оторван от школы и прочитал четыре тома его «Войны и мира». Не скажу, что детское чтение великой эпопеи оказалось для меня весьма плодотворным, но неповторимые образы ее героев, широкая панорама русской жизни, военные картины далекого прошлого не могли не пленить воображение. Это было добротворное пленение, хотя, разумеется, читать и перечитывать Толстого нелишне в любом возрасте. Как никто другой из великих художников, он обладает неиссякаемой щедростью ума, живостью наблюдений, способностью постоянно влиять на формирование и совершенствование человеческих душ.

И это прекрасно, когда общение с его духовной сокровищницей не заканчивается однажды, а продолжается в течение всей жизни. Предельная искренность, глубинное проникновение в тайну человеческой сущности, социальная значительность и непрекращающееся искательство нравственного идеала продолжают привлекать к нему многие поколения читателей. Созданные более века назад, «Севастопольские рассказы» наглядно свидетельствуют о том, как следует понимать сражающийся русский народ, как его изображать в литературе. Огромный талант и художническое мужество великого Толстого дали ему право написать бессмертные строки, являющиеся непреходящим императивом всякой реалистической литературы: «Герой же моей повести, которого я люблю всеми силами души, которого старался воспроизвести во всей красоте его и который всегда был, есть и будет прекрасен, — правда».

Казалось бы, все очень просто, иначе и не может быть: правда была и остается великим содержанием литературы. На деле же нет больших забот у пишущего, чем его отношения с такой постоянно ускользающей, столь изменчивой и текучей категорией, какой является правда. Толстой же обладал удивительной, по-видимому врожденной, способностью различать в запутанных и многосложных проявлениях жизни глубинную сущность правды, а его грандиозный талант превращал ее в непременного героя его художественной прозы. Наверно, однако, и для Толстого это было непросто, иначе он не написал бы однажды, что, «как ни странно это сказать, а художество требует еще гораздо больше точности, ...чем наука». Несколько парадоксально звучат в наш век НТР и покорения космоса эти его слова, но вещий их смысл не может не разделить каждый сколько-нибудь серьезный писатель или думающий читатель.

Мы привыкли к непререкаемой справедливости известного ленинского высказывания о графе Толстом, до которого не было настоящего мужика в литературе, но из этого следует, что мы должны задумываться и о том, откуда у этого барина, в течение почти всей жизни ведшего замкнутый, «усадебный» образ жизни, откуда у него такое глубокое понимание народа, знание потаенной человеческой сущности? Дело, наверно, все-таки не в образе жизни, а во врожденном свойстве души — степени человеческой сопричастности к другим, себе подобным, способности к сопереживанию, к осознанию чужой боли как своей собственной, чем в огромнейшей мере был наделен Лев Толстой. Это нам теперь видна ограниченность некоторых из его духовных исканий, и мы с уверенностью можем судить о его ошибках. Но большое видится на расстоянии, а для него был важен главнейший из исповедуемых им жизненных принципов: «Чтоб жить честно, надо рваться, путаться, биться, ошибаться, начинать и бросать, и опять начинать и опять бросать, и вечно бороться и лишаться. А спокойствие — душевная подлость».

Вся его жизнь — непрестанные поиски: сначала самого себя в этом мире, затем смысла и цели всей жизни. Несмотря на ряд поражений и утрат, он до конца своих дней оставался врагом душевной самоуспокоенности. Не в этом ли, помимо многих других, его великий урок для всех — его современников и живущих в другую эпоху, но все на той же прекрасной и грешной земле?

Минск

Олесь ГОНЧАР

ДЕЙСТВУЮЩИЙ ВЕЧНО

Творчество Льва Толстого, русского гения, с самого своего начала нашло путь к народам, явилось могучим фактором их духовной жизни. Иван Франко еще в конце прошлого столетия, объясняя украинским читателям исключительное значение произведений Толстого, отмечал со свойственной ему меткостью характерные черты художественной прозы автора «Севастопольских рассказов» и «Войны и мира», обращал внимание на тонкость его психологического анализа, пластичность в изображении жизни, спокойствие и гармонию, суровую предметность толстовской живописи, ставя превыше всего главное качество этого писателя — его стремление к правде во всем, естественность и простоту в изображении людей, природы, человеческих поступков, неприятие каких-либо словесных эффектов.

Думаю, что любая из наших национальных литератур в той или иной степени испытала на себе благотворное влияние гения Толстого, его эпохальных художественных открытий, явившихся, по известному выражению Ленина, «шагом вперед в художественном развитии всего человечества». Классический русский роман и прежде всего романы Толстого увлекли читателя не только своей масштабностью, эпическим размахом, всеобщее признание они обрели своей гуманистической направленностью, страстной защитой человека, глубочайшей бескомпромиссной критикой всего, что уродует жизнь людей, становясь на пути их стремления к счастью.

Известно, что творческая личность проходит сложный процесс развития, многие одаренные художники, в том числе и те, которых явил миру XX век, порой, особенно на ранних стадиях творчества, немало расходовали энергии на разного рода экспериментаторство. Для Толстого, даже раннего, литературная техника никогда не становилась самоцелью, он видел в литературе не ошеломляющую звукопись, не царство метафоры, он видел в ней прежде всего духовный хлеб человечества, силу, способную насквозь просвечивать жизнь, выявляя в ней все истинное и ложное, силу, способную будоражить совесть, утолять жажду изнывающего духа, воодушевлять и совершенствовать человеческую личность. Именно такой подход к литературе, сознание ее величайшей человеческой миссии помогали Толстому остро почувствовать бесплодность и бесперспективность литературы декадентствующей, и эта же убежденность, вера в великое предназначение искусства сказались в том восхищении, которое в Толстом вызывали произведения, отмеченные чистотой и глубиной чувства, печатью истинной народности. Известно, скажем, как высоко ценил Толстой поэзию Шевченко. Родственными по духу оказались для яснополянского мудреца и произведения странствующего украинского философа Григория Сковороды, его неуемное правдоискательство и нравственный максимализм, а также творчество нашего истинно народного «театра корифеев», чья самоотверженная деятельность столь созвучна была драматургии Толстого и его усилиям на ниве народного просвещения.

Бесконечно многим обязана Толстому наша советская многонациональная литература. Океанский размах его творчества наряду с глубочайшим проникновением в тайны человеческой психологии, мастерское умение изображать тончайшие движения внутренней жизни, всю гамму чувств, «диалектику души» человеческой, поэтическое, почти античное восхищение красотой и гармоничностью человека, если он настоящий, постигший науку жить по законам совести и справедливости, — все это для нас связано с именем Толстого.

В условиях современного мира, где конфликты социальные, национальные, расовые в сочетании с научно-технической революцией обрели небывалую остроту, предельно усложнили жизнь человека, когда современная цивилизация наряду с достижениями, во стократ умножившими могущество человека, в то же время породила и ряд явлений ранее неведомых, ужасных, отвратительных, античеловеческих — в этих условиях по-новому воспринимаются тревоги Толстого и его суровые предостережения, равно как и его страстная забота о нормализации жизни человеческого общества, о взаимопонимании людей, мысли о возрастающей роли нравственного начала в духовном развитии человечества. И сегодня Толстой сражается, духовной скалой противостоит потокам низкопробного чтива, антигуманизму той буржуазной культуры, которая отводит человеку роль песчинки на ветрах истории, подрывает веру человека в себя.

Есть в Средиземном море, среди угасших вулканов, один вулкан вечно действующий, знакомый морякам всего мира, служащий им чем-то вроде маяка. Каждую ночь, раздвигая тьму, полыхает от него зарево в небе, и знают люди на кораблях, что в любую непогоду, в самую грозную бушующую ночь никакому ненастью не угасить это огромное зарево, которое трепещет в облаках, остерегая и напутствуя идущих.

Таким вечно действующим вулканом представляется мне Лев Толстой, его благородное бессмертное творчество.

Киев

Морис ДРЮОН (Франция)

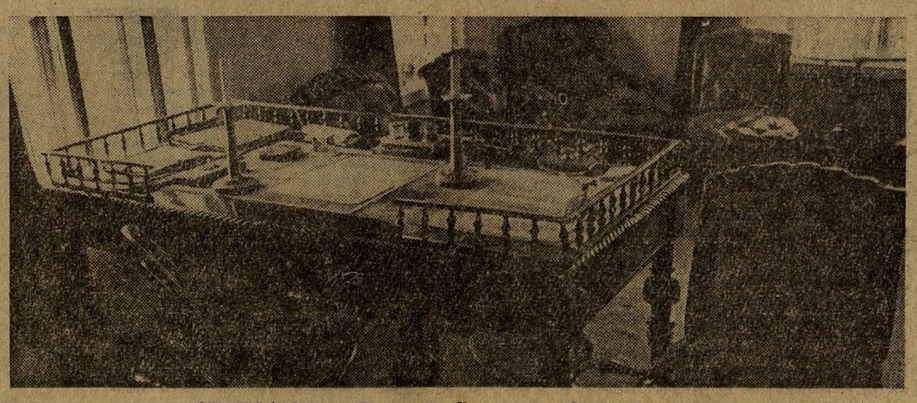
«БОЛЕЕ ВСЕГО БЛАГОДАРЕН...»

Начну с одного далекого воспоминания. Впервые я прочитал «Войну и мир» во время французской кампании 1940 года. «Война и мир» была моей книгой-товарищем в период этого, вызывавшего острую душевную боль отступления. Я читал роман урывками по нескольку страниц в промежутках между боями, и меня неотвязно преследовало чувство странного сходства между отступлением русских армий в эпоху наполеоновской войны и отступлением, которое пережил я. Я поразился сходству человеческих реакций. Вот так князь Андрей, Пьер Безухов, Николай Ростов стали для меня такими же военными спутниками, как и мои живые товарищи по оружию, а города, покидаемые их жителями и затем захватываемые неприятельской армией, были для меня одновременно Смоленском и французским городом. Все это ярко показывает универсальный характер творчества Толстого.

Он описывал отступление перед армиями Наполеона, я же переживал отступление перед гитлеровскими полчищами. Позвольте, однако, сказать, что я ни в коей мере не желаю отождествлять Наполеона с Гитлером, но в конце концов, когда одни армии продвигаются вперед, а другие откатываются, развертываются одинаковые человеческие драмы, в сходной манере проявляются некоторые индивидуальные и социальные черты. Я знал генштабы начала второй мировой войны, которые напоминали генштабы русской императорской армии в начале XIX века. Были и французские генералы, похожие на своих русских коллег, и французские адъютанты, походившие на русских адъютантов.

Иными словами, я прихожу к заключению, что Толстой населил наш воображаемый мир вечными прототипами и универсальными эталонами. Он сделал так, что его персонажи становятся нашими друзьями точно так же, как реальные люди, которых мы встречали и встречаем на жизненном пути.

В самом начале я сказал, что впервые прочитал «Войну и мир» в 1940 году. С тех пор я, вероятно, перечитал это произведение семь раз — не меньше переписывал его Толстой.



МОСКВА. В доме Толстого в Хамовниках. Рабочий стол писателя.

УСТРЕМЛЕННОЕ В БУДУЩЕЕ

Связи между Л. Толстым и французской литературой значительны и благотворны для обеих сторон. Разумеется, на него влияли великие французские романисты начала XIX века: Стендаль, Бальзак и другие. Ему принадлежит одно из наиболее важных и содержательных исследований творчества Мопассана. Но, в свою очередь, Толстой, главным образом благодаря романам «Анна Каренина», «Воскресение» и особенно «Война и мир», оказал бесспорное влияние на французский роман.

Для многих из нас он как романист всегда был идеальным образцом. Его «Война и мир» представляет собой — по крайней мере, это мое убеждение — величайший роман в мире, «шедевр творческой мысли, колосс, господствующий над всей литературой XIX века», как выразился Ромен Роллан.

Связи между французской и русской литературой, несомненно, свидетельствуют также о близости русской и французской культуры, о постоянном интересе, который представители интеллигенции двух стран издавна проявляли друг к другу, о быстром понимании, которое способно устанавливаться между ними. Быть может, в корне всего этого лежит неиссякаемое чувство любви к родине.

Любой великий гений всегда актуален. Злободневны и Платон, и Аристотель. Гениальным людям — зовут ли их Данте, Шекспир или Гёте — присуще то, что они неизменно присутствуют среди живущих и могут служить образцами или поучительными примерами.

Толстой, художник войны и мира, апостол надежды, Толстой, вдохновленный одновременно христианским и прогрессивным идеалом, во всех отношениях остается актуальным. Чтение его произведений всякий раз дает возможность для размышлений и обогащения. С моей точки зрения, самое существенное в его вкладе в мировую культуру — это то, что он помогает нам не только познать людей, ради которых или рядом с которыми происходит борьба, но и то, что помогает нам понять людей, против которых идет эта борьба.

Из всех людей, живших на земле, Лев Толстой — один из тех, кому я более всего благодарен.

Записал В. КОРОЧАНЦЕВ

Е. КАРАНФИЛОВ (БОЛГАРИЯ)

ВЕЛИЧИЕ ГУМАНИЗМА

О Льве Толстом написано бесконечно много. Что главное в этом человеке и его творчестве? Я думаю, сила человеческого слова. Именно в слове этот могучий творец создал целый мир людей, которые рождаются, живут, трудятся, страдают, радуются.

Бальзак говорил, что после бога и Шекспира он создал больше всего людей. Лев Толстой мог бы сказать то же самое, пожалуй, с большим основанием. И все эти люди, сотворенные гением Толстого, — разные, неповторимые, как в жизни. Каждый человек — явление. И одновременно — выразитель той среды, к которой принадлежит, своего времени, общества, чьей частицей является.

Сегодня встречаются авторы, которые упорно твердят, что литература медленно умирает, что будущая цивилизация уничтожит книгу. Жизненность литературного творчества Льва Толстого — сильнейшее опровержение подобных рассуждений. Нет средства, чтобы убить Наташу Ростову, Платона Каратаева, Хаджи Мурата в сердцах людей. Поколения будут меняться, но эти герои будут жить всегда. Излучение толстовского творчества останется, пока существует человечество.

Моя родина всегда была благодарна великому русскому художнику. Наши самые лучшие писатели развивались под его благотворным влиянием.

И сегодня, воспитывая гармонические личности эпохи зрелого социалистического общества, мы нередко обращаем взор к писателю, в чьем творчестве так прекрасно воплотились самые благородные идеалы гуманизма.

Павел НИЛИН

НЕТЛЕННЫЙ ОПЫТ ГЕНИЯ

Иной раз кажется, что мы уже все знаем о Льве Толстом, о нашем необыкновенном земляке — и где и когда он родился, и кто его родители. Известен — сохранился до наших дней — даже диван, обитый по коже медными пуговицами, на котором он впервые младенческим криком возвестил о своем пришествии в этот мир.

Известно многое.

И все-таки просвещенные посетители толстовского музея каждый раз с изумлением и подолгу рассматривают под стеклом чуть пожелтевший клочок бумаги, сто сорок три года назад исписанный рукою Льва Толстого, точнее — Левушки Толстого, которому не исполнилось и семи лет.

Еще не минуло детство, еще не началось отрочество, а упрямый мальчик, только что овладевший грамотой и, наверное, ощутивший свое призвание, принялся, должно быть, за роман. И в этих нескольких строках на клочке бумаги можно угадать — учуять — еще едва заметный, но уже проступающий, как солнце в тучах, будущий неповторимый и неподражаемый стиль Льва Толстого, которым он напишет «Севастопольские рассказы» и «Казаков», «Анну Каренину» и «Воскресение», «Хаджи-Мурата» и потрясет все мыслящее человечество такой громадой вдохновенного труда, как эпопея «Война и мир», равной которой по силе изображения, по разнообразию идей и характеров нет на земле и до сей поры. Хотя на ней, на земле, как известно, и потом прогремели события куда более грандиозные, чем нашествие Наполеона.

Лев Толстой не однажды показал ужасное и потрясающее душу зрелище — войну — как он пишет, не в правильном, красивом и блестящем строе, с музыкой и барабанным боем, с развевающимися знаменами и гарцующими генералами, а в настоящем ее выражении — в крови, в страданиях, в смерти... Он показал в нагом виде жесточайшую правду войны и мира, правду жизни, не злоупотребляя при этом, как иные беллетристы, восклицательными знаками, не пугая читателя, а внушая ему мужество и стойкость перед невзгодами бытия.

Лев Толстой одушевил на века людей разных социальных групп и состояний, профессий и взглядов — солдат и государей, крестьян и помещиков, богачей и нищих — целые миры. И в любой момент, с любой страницы, открывая сейчас любой толстовский том, читатель мгновенно вступает в живую полнокровную жизнь, пусть протекающую задолго до его, читательского, рождения, но и сегодня современным людям помогающую своим, повторяю, живым, вдохновенным, нетленным опытом, возвышающим человека над бездной мелкой суеты.

Лев Толстой вошел, грубо говоря, в повседневный культурный обиход человечества, оставаясь русским со своими особенностями этого своеобразного национального характера, так блистательно выписанного им, характера медлительного в размышлении, но уверенно действующего в условиях подлинной опасности, ничего не страшась.

Храбрый артиллерийский офицер «без малейшей аффектации», способный сохранять спокойствие при любых грозящих мучительной смертью обстоятельствах, не суетливый, но упорный, Лев Толстой был таким, как дружно свидетельствуют современники, не только на четвертом бастионе Севастопольской обороны, но в жизни — с самых нежных лет и до последнего вздоха.

Иначе ему нельзя было. Иначе он не смог бы выдержать той изнурительной и непримиримой борьбы, что он вел всю жизнь во имя добрых чувств, во имя счастья людей, как он это понимал.

Для того чтобы быть добрым до конца — и опять же в любых условиях, — надо, вероятно, быть сильным и отважным, мужественным и самоотверженным, как Лев Толстой.

Служа истине и справедливости, пробиваясь к ним через толщу условностей и предрассудков, он не жалел, не щадил и самого себя, верный избранной цели, верный своему призванию и непоколебимый в своих убеждениях.

...Еще многим поколениям предстоит наслаждение знакомства с удивительным Львом Толстым, появившимся на планете Земля полтора столетия назад и оставшимся на ней навсегда.

Очень приятно и лестно быть его земляками, но необыкновенно ответственно и тревожно, если браться за его ремесло.

Абдижамил НУРПЕИСОВ

ОЩУЩЕНИЕ БЛИЗОСТИ

Говорить о писателе всегда представлялось мне трудным. Еще куда ни шло, когда это твой товарищ по перу, зачастую просто друг, с которым связывает тебя общность творческих забот и мыслей. А когда, к ужасу твоему, оказывается вдруг перед тобой великан с нахмуренными бровями, с острым, насквозь пронизывающим взглядом, и к тому же смотрит он со своей пугающей высоты на тебя сверху вниз, смотрит с явным неодобрением, будто угадав твое намерение... И тогда поневоле теряешься. Ты уже знаешь безумие своего поступка, ты осознал нелепость своего положения, готов отступить. Теперь у тебя осталось одно скромное желание: поделиться с людьми своим потрясением, вызванным соприкосновением с великим писателем русской и мировой литературы. И смысл всего твоего путаного объяснения может свестись, в сущности, к повторению лишь одной бесхитростной истины: нельзя объять необъятное.

Особенно в эти предъюбилейные дни, когда страна отмечает стопятидесятилетие со дня рождения Толстого, все помыслы невольно обращены к нему, и все мы думаем о нем. Думали и думаем, в частности, о том, что в истории человечества он был одним из немногих людей, духовную власть которых не перестаем ощущать мы всегда и всюду. Вряд ли отыщется сейчас такой уголок на земле, где люди в своих лучших устремлениях и начинаниях не испытывали бы его благотворного воздействия на формирование своих воззрений и нравственных принципов. Не будет преувеличением, если скажу, что в творчестве Толстого кроется нечто роднящее его с небесным светилом — некая животворящая сила, сквозь толщу слоев атмосферной массы проникающая во все уголки планеты. В такой же мере произведения Толстого, преодолев языковые, социальные и иные барьеры, еще при жизни писателя завоевали малые и великие народы независимо от уровня их развития, неся с собой самую благотворную, гуманистическую идею. И сами люди, влекомые неудержимым ответным стремлением, тянулись к нему, к словам, мыслям и чувствам великого правдоискателя земли русской. По мере роста его всемирного авторитета росли и ряды поклонников писателя, охватывая народы, страны и континенты.

В этой связи невозможно без волнения вспоминать один поразительный случай, имевший место в истории моего народа еще на стыке двух веков — минувшего и настоящего. Бережливая память народа, донесшая до нас все бесценные устные сокровища предков, сохранила наравне с преданиями и легендами и рассказ о том, как после смерти великого Абая один из его талантливых учеников, в свое время блестяще осуществивший перевод «Дубровского» Пушкина, не переставал заявлять и устно, и печатно, что он является учеником Толстого и, движимый чувством любви и признательности к гению человечества, послал к нему специального нарочного с приглашением в гости в далекий Чингистау. Великий писатель ответил трогательным письмом, утерянным, к сожалению, сейчас, что он стар и расстояние для его возраста слишком велико.

Как видим, семя, брошенное заботливой рукой Абая на землю, на, казалось бы, бесплодную почву азиатского Востока, не замедлило, однако, дать ростки, пуская еще слабые, одинокие, но жизнелюбивые побеги. И, что примечательно, этот росток средь тьмы невежества, не оставлявшей, казалось бы, малейшей надежды на жизнь, пробив глухую немоту, потянулся к свету, к знанию, искал, жаждал его живительной силы. Таким образом, в далеком ауле, в урочище Чингистау два талантливых человека, один из которых — Абай, родоначальник новой письменной казахской литературы, тянулся к свету поэзии Пушкина, а другой — Шакарим — блестящий поэт, переводчик, историк, этнограф, был пленен на всю жизнь произведениями Толстого, и оба они ощутили жизненную необходимость и духовную потребность приобщения к передовой русской культуре. Почти в одно время с ними жил на другом конце степи еще один просвещенный сын казахского народа, причисливший себя к ученикам Толстого. Это был первый казахский просветитель Ибрай Алтынсарин. Подхваченный благородным почином великого русского писателя, он открывает в Тургае на свои средства первую школу для казахских мальчишек. И по образцу яснополянского букваря составляет, впервые прибегая к столь удобной и простой кириллице, казахскую хрестоматию для своих питомцев. Для них же он переводит на казахский язык короткие детские рассказы Толстого. Вот так, благодаря усилиям названных мною великих сынов нашего народа, еще в начале нынешнего века два гиганта русской литературы — Пушкин и Толстой одновременно вступили в степь кочевников.

С тех пор прошло около века. Пройдет еще не один век, а такая естественная, сердечная тяга народа к свету и знаниям не иссякнет никогда. Не одному поколению в будущем придется обратиться к светлой памяти великого писателя, с годами не тускнеющей в сознании потомков, к его бессмертным трудам, благородством души отмеченным делам, в надежде получить ответ на неясные вопросы, мучающие людей.

АЛМА-АТА

Петр ПРОСКУРИН

ВО ИМЯ РОДНОЙ ЗЕМЛИ

1. Глубочайшая диалектичность художественного метода Толстого прежде всего в концентрированном выявлении русского национального характера, раскрытии природы его гуманизма и высочайшей духовности. Как никому другому из писателей мира, Толстому удалось с недосягаемым художественным совершенством и человеческим бесстрашием беспредельно раздвинуть границы нравственного самоусовершенствования человека.

Вот почему значение художественного метода, художественного мышления Толстого выходит далеко за рамки просто литературы, вот почему наряду с другими, такими немногочисленными титанами человеческого духа Толстой — еще один мощный рывок вперед в художественном и нравственном развитии всего человечества.

Гений Толстого и сейчас успешно противостоит разномастным современным «разрушителям» эпического жанра, жанра романа. Бесстрашный гуманизм Толстого противостоит апологетике жестокости и бессмысленности человеческого существования, взятой на вооружение пессимистическим искусством, давшим такие махровые всходы сейчас на Западе.

Художественное наследие Толстого — одна из тех необходимых нравственных опор, без которых современный человек не может обойтись и сегодня, в сегодняшнем мире, обостренном современными кричащими противоречиями и общей дисгармонией.

Огромна роль Толстого в становлении гармонических начал духовной эволюции человека; мне кажется, что Толстой — тот непреходящий нравственный пример, та духовная мощь, что умножает возможности современного человека и предопределяет его будущие усилия. Границы действия его гения для всего человечества необозримы.

Бесконечна гармония характеров, созданных Толстым, и каждому из них мы верим, как живому человеку. Но Толстой первым через душу русского крестьянина, душу простого русского человека раскрыл характер общенародного, национального русского патриотизма, всегда восходящего к вершинам самоотреченного подвига во имя родной земли.

2. Мне лично Толстой дорог ощущением пронзительного чувства русской природы, русской земли, дорог широким эпическим обобщением процессов общенародной жизни, бесстрашием в постановке главных вопросов человеческого бытия, в постижении вопросов жизни и смерти.

Жизнь и неустанный труд Толстого — ярчайший пример необычайно развернутых возможностей человеческого духа. В созданный им мир человеческих страстей и отношений входишь как в светлый храм, где и в деталях, и в целом присутствует высший смысл гармонии и красоты. Здесь все обращено к сердцу и разуму человека. Здесь есть все, что присуще природе человека; но даже смерть (князь Андрей) у Толстого — прежде всего ослепительный взлет всех духовных и нравственных возможностей человека, наивысшее раскрытие его личности. Каждый главный образ его романов, и особенно «Войны и мира», дается как завершение определенной исторической эпохи, его создавшей, и в то же время как начало чего-то нового, а все вместе, сливаясь, приобретает ощущение бесконечности, неразнимаемости времен и эпох...

Поднимаясь выше и выше в своем духовном и нравственном развитии, человечество будет все чаще и ненасытнее припадать к этому вечному источнику добра, надежд и гармонии.

Юрий ТРИФОНОВ

ОН — КАК ПОЛЕ, КАК ЗВЕЗДА...

1. Непреходящее значение Толстого — в моральной мощи его сочинений. То общеизвестное в учении Толстого, что принято называть «непротивлением злу», есть только часть этой мощи, край громадной духовной силы, а весь материк толстовской морали можно обозначить так: жить по правде, то есть по совести. Толстой видел худое устройство мира, но считал, что это не может быть оправданием того, что человек «живет не так» (Иван Ильич, помирая, сокрушался по поводу того, что «жил не так»). Толстой был убежден в том, что переустройством мира и переустройством человека надо заниматься одновременно. В противном случае будет так: вот сделаю ремонт в квартире и начну жить по совести, а то ведь пока грязные обои и старая мебель, я имею право жить дурно. И выйдет так, что в дурных поступках человека виноваты обои. Но Толстой грозно сказал: нет! Загляните в себя, ужаснитесь обоям своей души, перемените старую мебель своих привычек, и это поможет всем людям стать лучше и выше.

Мы часто говорим сегодня о «нравственных поисках». Откуда этот интерес? Это стремление к нравственному началу, то есть к умению оценить внутри себя, что есть добро и что зло? Все это бывает так перепутано, слитно, невозможно разобрать, где что. Толстой призывал терпеливо — разберите! Распутайте! Это возможно, надо найти концы. Совесть — тайник души, как сказано в словарях. В тайнике происходят скрытые оценки и переоценки всего, что случается с нами. Человек все еще не совершенен, и призыв Толстого «заглянуть в себя» остается важным: и для литературы, и для жизни.

От морального напора толстовских книг идут остальные качества великого писателя: понимание других, понимание себя и беспощадность правды. Когда знаменитое письмо Александру III с просьбой простить первомартовцев Толстой начал словами: «Я, ничтожный, не призванный и слабый, плохой человек...», — он писал то, что думал. Почему он так думал — вопрос другой. Но то было истинное чувство, а не ради красного словца. Пожалуй, нет в мировой литературе другого писателя, который был бы так строг и безжалостен к себе, причем не показной, натужливой строгостью, а глубокой и естественной, и тут кроется один из величайших образцов, увы, почти недостижимый. Немало писателей умеют подшучивать над собой, иногда довольно зло — мы это ценим, и улыбаемся, и благодарны, — но Толстой не подшучивал, а взрезал, анатомировал, иногда читать его страшно. Он сказал много горького о людях, о том, что жизнь беспощадна. Вот так вернее: не он как писатель беспощаден, он просто правдив, а беспощадна жизнь. Он показал сатанинскую правду: умирающий обременяет родных («Смерть Ивана Ильича»). Литература до него не касалась этих бездн. Бур Толстого проник до рекордных отметок. Писатели после Толстого догадались: можно и нужно бурить в еще более глубинных горизонтах.

Напрасно полагают иные, что развивать «школу Толстого» — это значит составлять длинные, громоздкие фразы, кое-как сшитые словечками «что» и «который». Школа Толстого — это работа на большой глубине. Для писателей Толстой поставил неоценимые ориентиры: он говорил о трех совершенствах в искусстве. Первое — значительность содержания, второе — красота, третье — задушевность.

Эти обязательные параметры истинного художественного произведения остаются, вероятно, в силе и сегодня, так же, как остаются в силе опасности псевдолитературы, на которые указывал Толстой. Псевдолитератор «...берет ходячее в данное время и хвалимое умными, по его понятию, людьми содержание и облекает его, как умеет, в художественные формы... или... избирает тот предмет, на котором он более всего может выказать техническое мастерство...»

А настоящий писатель должен ждать, «чтобы в его душе возникло то важное, новое содержание, которое бы он истинно полюбил, а, полюбя, облек бы в соответственную форму...»

2. На этот вопрос ответить затрудняюсь. Личной близости к Толстому не испытываю, вернее — не осмеливаюсь испытывать. Толстой — часть окружающего мира, как поля, как звезды. Личная близость к полям и звездам? Они существовали до меня, будут существовать после. Личная близость может быть к чему-то земному, а Толстой вышел за пределы нашего бытия. Я думаю, Льва Толстого люди будут читать дольше, чем кого-либо из писателей мира.

Джон ЧИВЕР (США)

«ВОСХИЩАЮСЬ ЕГО ШЕДЕВРАМИ»

Впервые я прочел «Войну и мир», когда мне было лет семнадцать, потом снова и снова перечитывал эту книгу, читал «Анну Каренину», другие романы, рассказы Льва Толстого и вот уже почти полстолетия восхищаюсь литературным великолепием и духовным богатством шедевров Толстого.

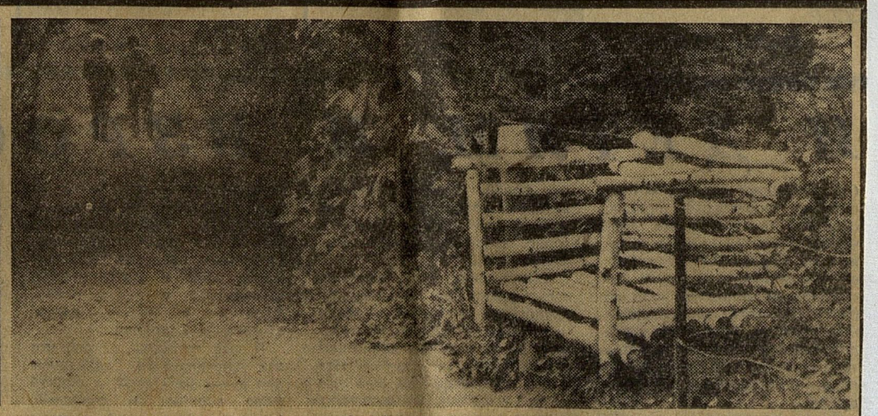
Я был несказанно рад возможности посетить Ясную Поляну. Обошел тогда всю усадьбу. Долго осматривал рабочий кабинет Толстого. Был на той поляне, где Толстой любил на ранней заре встречать восход солнца. Пришел к его скромной одинокой могиле. Беседовал задушевно со встретившим меня правнуком Льва Толстого. Как хорошо, что после варварского бесчинства гитлеровских оккупантов в Ясной Поляне теперь восстановлено все в первоначальном виде! Ведь наследие Толстого — не только сокровищница русской культуры. Толстой обогатил творчески всемирную литературу и потому стал для всего человечества драгоценным явлением воистину интернационального значения.

Я никого не рискнул бы поставить рядом с Толстым. И не найти ему равных как в нашей американской, так и в остальной зарубежной литературе. По уровню чисто эпического мастерства, быть может, лишь некоторые прославленные английские новеллисты прошлого века приближались слегка к непревзойденным вершинам таланта Толстого. Однако тем англичанам как бы не хватило пороху подняться до уникальной социальной насыщенности толстовских произведений.

К такому выводу приходишь, читая и перечитывая его произведения. Судя по ранним книгам, он сперва рисовал жизнь людей его привилегированной среды, но вскоре за тем создал бессмертную художественную панораму всего общества в целом, а на первый план вывел типические персонажи трудового простонародья и тем самым обнаружил извечные проблемы политического, морального, духовного характера. И особенно важно, что те же проблемы он сам решал для себя как человек, писатель, мыслитель. Он был удивительно взыскателен к себе лично и к своему творчеству. Толстой поражает редчайшим сочетанием блестящего таланта и духовного подвижничества.

Книги Толстого дают нам такую обильную пищу для ума, для чувств из глубины сердца, для обращения к нашей совести, каких не вызывают ни исторические трактаты, ни иные сочинения сотен самых искусных литераторов. Так что нынешняя тяга к познанию Толстого — естественное продолжение процесса широкого приобщения к достижениям мировой культуры. Для нас книги Толстого — золотой сплав человеческого разума и наивысшей духовной чистоты. В этой литературной сфере Толстой был и будет навеки недостижимым образцом совершенства.

ЯСНАЯ ПОЛЯНА. На экскурсии



«Любимая скамейка»

Фото В. БОГДАНОВА